

своего «героя».²⁰ Вяземский считал Фонвизина более или менее случайным, исключительным явлением. Воспитанник французского классицизма и энциклопедистов, он в литературе ценил прежде всего ее общественное значение; гениальные личности для него менее существенны, чем широкое воздействие «république des lettres» на целое общество.²¹ Особенно Вяземскому не нравилось пренебрежительное отношение автора «Недоросля» к французам.²² С точки зрения общественной значимости литературы и уважения к авторам понятна положительная оценка писательской деятельности Екатерины II (I, 113). Из-за воздействия на общество Вяземский высоко ценил «Ябеду» Капниста. Подытоживая в своей книге о Фонвизине развитие русской комедии, Вяземский посвятил несколько строк творениям Лукина и Веревкина. К первому Вяземский отнесся резко отрицательно, ко второму несколько более благосклонно («человек умный и образованный: язык и слог его показывают писателя довольно искусного; но комедия его вовсе без драматического действия», V, 126).

В системе литературных жанров XVIII в. басня занимала очень видное положение (ведь она давала возможность «просветить» читателя). Сам Вяземский писал басни (наиболее удачны, пожалуй, его пародии на Д. И. Хвостова) и очень часто высказывал свои суждения о русских баснописцах XVIII в. Выше всех, включая сюда и басни Крылова, Вяземский ценил басни и аполги И. И. Дмитриева. Такое предпочтение несколько жеманного Дмитриева сочному Крылову было обусловлено «изысканным» вкусом Вяземского и, может быть, также тесной личной дружбой с Дмитриевым. Современники (например, Пушкин) упрекали Вяземского за такое предпочтение или вышучивали его (например, Н. И. Греч).²³

²⁰ Наиболее резкое суждение находится в письме к А. А. Бестужеву, написанном в начале работы над биографией Фонвизина (1823 г.): «... За исключением „Недоросля“, двух или трех сатирических мелочей и статьи, известной под названием „О необходимости законов“, все, что ни писал он, весьма посредственно» (Русская старина, 1888, № 11, стр. 316).

²¹ См. замечание Вяземского в первой записной книжке: «У нас один истинный комик, Фонвизин, и то в одной комедии, а у тех существует театр народный» (VIII, 3). Такое «социологическое» понимание воздействия литературы на публику вместе с весьма лестными отзывами Вяземского о Вольтере дало повод одному из немногих рецензентов книги, И. Ф. В-нъ-у (далекому родственнику Фонвизина) упрекать Вяземского в пристрастии к энциклопедистам. В качестве защитника благонамеренности книги выступил С. П. Шевырев (подробнее об этом эпизоде в кн.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XI, СПб., 1897, стр. 343—345).

²² См. особенно защиту энциклопедистов и упрек Фонвизина в односторонности и недалёковидности (V, 83—84).

²³ Данному вопросу посвящена специальная статья: П. И. Збандуто. Борьба Пушкина за народность русской литературы в период южной ссылки. (Полемика Пушкина с Вяземским о народности Крылова-баснописца). — В кн.: Пушкин на юге. Госиздат МССР, Кишинев, 1958, стр. 179—194. Автор неологизма «народность», Вяземский, отрицал, однако, возможность народности как раз в баснях.